

ВЪЧНОЕ

III

1948

СО Д Е Р Ж А Н І Е

---

1. Св. Ефремъ Сиринъ. Не падай духомъ...
  2. Прот. Іоаннъ Кронштадтскій. Къ Великому посту.
  3. Еп. Игнатій Брянчаниновъ. О разсѣянной и внимательной жизни.
  4. Сорюкъ мучениковъ Севастійскихъ.
  5. Первая Седмица Великаго Поста.
  6. Нравоучительныя правила преп. Пимена.
  7. Сказаніе.
  8. Святоотеческое толкованіе на Евангеліе отъ Матфея.
-

Годичныя подписчики на «Вѣчное» съ № 4 журнала получаютъ, какъ бесплатное приложеніе, книжку прот. Іоанна Кронштадтскаго «Изъ Дневника».

В Ъ Ч Н О Е

L'ETERNEL

ежемѣсячный журналъ

Мартъ 1948 г.

Св. Ефремъ Сиринь.

НЕ ПАДАЙ ДУХОМЪ. ЕСТЬ НАДЕЖДА — ХРИСТОСЪ.

Не падай духомъ душа, не скорби, не произноси надъ собою рѣшительнаго суда по множеству грѣховъ, не привлекая на себя огня, не говори: отринуть меня Господь отъ лица Своего.

Богу не угодны такія слова. — Развѣ кто палъ, тотъ не можетъ встать? Развѣ кто ѳвратился, тотъ не можетъ обратиться? — Или не слышишь, какова благодать Отца къ блудному?

Не стыдись же обратиться, но съ дерзновеніемъ скажи: возставъ иду къ Отцу моему! Встань и иди.

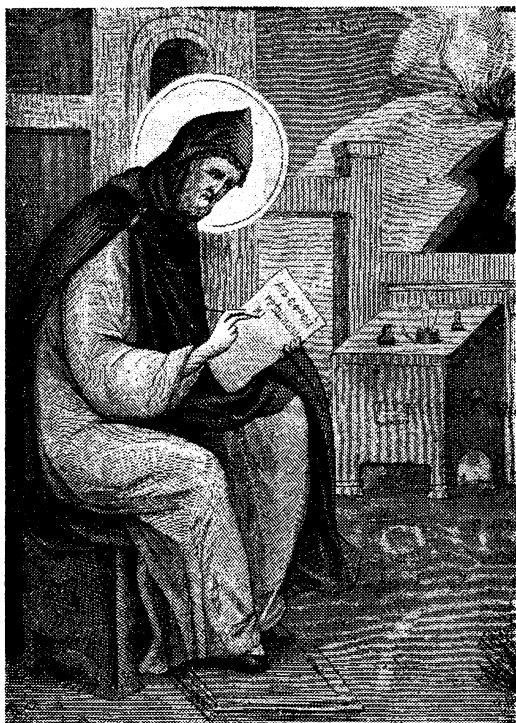
Онъ приметъ тебя и не укорить, а паче возрадуется твоему возвращенію. Онъ ждетъ тебя; только не стыдись и не скрывайся отъ лица Божья, какъ Адамъ.

Ради тебя Христосъ распялся, и отринетъ ли тебя? — Онъ знаетъ, кто ѳтсняетъ насъ; знаетъ, что нѣтъ у насъ другого помощника, кромѣ Его единаго.

Христосъ знаетъ, что человѣкъ бѣденъ. Не предавайся же нечаянію и нерадѣнію, какъ бы уготованный во огонь.

Христу нѣтъ утѣшенія ввергать насъ въ огонь; не приобрѣтеніе для Него посылать насъ въ бездну на мученія.

Подражай блудному сыну: оставь морящій голодомъ городъ. Приступи и умоляй, и узришь славу Божию. Просвѣтится лице твое, и ты возвеселишься въ раю сладости. Слава спасающему насъ Господу — Человѣколюбцу!

Преподобный Ефремъ Сиринь.

Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми.

Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь.

КЪ ВЕЛИКОМУ ПОСТУ.

Изъ дневника о. Іоанна Кронштадтскаго.

Начинается Великій постъ. Нужно вступить, съ помощью Божіей, на путь спасенія.

Душа христіанская жаждетъ покаянія, какъ мертвая — жизни, какъ палимая зноемъ грѣховъ — прохлады, какъ больная — врачества и исцѣленія. И Господь Спаситель по нашей нуждѣ и немощи, по Своему безмѣрному человѣколюбію — далъ намъ покаяніе.

Ты принадлежишь къ Церкви Христовой, или обществу вѣрующихъ во Христа. Эта Церковь есть единое тѣло Христа, и Христосъ Богъ есть глава. Достойный ли ты членъ, свято ли живешь, каешься ли всегда, исправляешь ли сердце и жизнь свою, нравы свои, помыслы, чувства, намѣренія, стремленія, все поведеніе свое? Живой ты членъ или мертвый? Примутъ ли тебя святые, когда ты перейдешь отъ этой жизни временной въ вѣчную? Не отвергнутъ ли тебя, какъ пнилой членъ, смердящій, непотребный? Не будетъ ли участь твоя съ отверженными отъ Бога? Спѣши исправить дѣло, исправить все свое поведеніе. Тебѣ на то дано время.

Скажи всеблаговому, всемогущему, всеисцѣляющему Врачу душъ и тѣлесъ — Господу, какими грѣховными язвами и недугами ты болѣешь, — а ихъ такъ много, много, что и перечестъ трудно. Вспомни ихъ, проси у Господа озаренія, сердечнаго, просвѣщенія, познанія ихъ, воздыханія, слезъ. И ты получишь богатство милости исцѣленія, здравія, мира, тишины и свободы и благодержновенія, ибо Врачъ Небесный всегда готовъ миловать и обвязывать раны наши душевныя.

Отъ чего у тебя погасъ священный огонь молитвы въ сердцѣ? Отъ чего твое сердце холодно, какъ камень? Отъ того, что ты пересталъ молиться и молитвою пересталъ поддерживать этотъ благодатный, жизненный огонь, просвѣщающій, согрѣвающій и оживляющій душу и тѣло. Когда ты еще продолжалъ искренно молиться и понуждалъ себя къ этому святому дѣлу — у тебя на душѣ было тепло, весело, мирно, просторно, а переставъ молиться, ты сталъ холоденъ, безжизненъ, неудовлетворенъ и пустъ.

Какъ убійственно для души — долго не бывать въ храмѣ, особенно — не причащаться Божественныхъ Таинъ!

Какъ душа зарастаетъ терніемъ грѣховъ! Какъ разслабѣваетъ! Въ какое впадаетъ уныніе! Сколько нужно труда, самоиспытанія, молитвы, покаянія, слезъ, чтобы снова привести ее въ прежнее благодатное состояніе мира, свободы, дерзновенія, правоты духа! О горе, намъ безъ Тебя, Господи, безъ Твоей Божественной службы, безъ причащенія св. Таинъ!

Еп. Игнатій Брянчаниновъ.

О РАЗСЪЯННОЙ И ВНИМАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Сыны міра признаютъ разсѣянность невинною, а святые признаютъ ее началомъ всѣхъ золь.

Человѣкъ, преданный разсѣянности, имѣетъ о всѣхъ предметахъ, и самыхъ важныхъ, очень легкое, самое поверхностное понятіе.

Разсѣянный обыкновенно непостояненъ: его сердечныя ощущенія лишены глубины и силы, а потому они непрочно и маловременны.

Какъ мотылекъ порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, такъ и разсѣянный человѣкъ переходитъ отъ одного земного удовольствія къ другому, отъ одного суетнаго попеченія къ другому.

Разсѣянный чуждъ любви къ ближнему; равнодушно смотритъ онъ на бѣдствія человѣковъ, и легко возлагаетъ на нихъ бремена неудобноносимыя.

Скорби сильно дѣйствуютъ на разсѣяннаго, именно потому, что онъ не ожидаетъ ихъ. Онъ ожидаетъ однихъ радостей.

Если скорбь сильна, но скоропроходяща, то разсѣянный скоро забываетъ ее въ шумѣ развлеченій. Долговременная скорбь сокрушаетъ его.

Разсѣянность сама караетъ преданнаго ей: со временемъ все прискучиваетъ ему, — и онъ, какъ нестяжавшій никакихъ основательныхъ познаній и впечатлѣній, предается томительному, безконечному унынію.

Разсѣянность, столь вредная вообще, въ особенности вредна въ дѣлѣ Божіемъ, въ дѣлѣ спасенія, требующемъ бдительности и вниманія постоянныхъ, напряженныхъ.

Бдите и молитесь, да не ввидете въ напасть (Мтѣ. 26, 41), говоритъ Спаситель ученикамъ Своимъ.

Всѣмъ глаголю: бдите (Мрк. 13, 37), возвѣстилъ Онъ всему христіанству: слѣдовательно и современному намъ.

Ведущій жизнь разсѣянную, прямо противорѣчитъ заповѣдямъ Господа Исуса Христа жизнию своею.

Всѣ святые тщательно избѣгали разсѣянности. Непремѣнно, или, по крайней мѣрѣ, по возможности часто они сосредоточивались въ себѣ, внимая движеніямъ ума и сердца, и направляя ихъ по завѣщанію Евангелія.

Навыкъ внимать себѣ предохраняетъ отъ разсѣянности и среди окружающихъ со всѣхъ сторонъ, шумящаго развлечения. Внимательный пребываетъ въ уединеніи, самъ съ собою, посреди многолюдства.

Извѣдавъ опытомъ пользу вниманія и вредъ разсѣянности, нѣкоторый великій Отецъ сказалъ: «Безъ усиленной бдительности надъ собою невозможно успѣть ни въ одной добродѣтели».

Безразсудно — провести краткую земную жизнь, данную намъ для приготовленія къ вѣчности, въ однихъ земныхъ занятіяхъ, въ удовлетвореніи мелочнымъ, безчисленнымъ, неудовлетворимымъ прихотямъ и пожеланіямъ, вѣтренно перебѣгая отъ одного чувственнаго удовольствія къ другому, забывая или вспоминая рѣдко и поверхностно о неминуемой, величественной, и вмѣстѣ грозной, вѣчности.

Дѣла Божія — это очевидно, — должны быть изучаемы и разсматриваемы съ величайшимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ; иначе ни разсмотрѣть, ни познать ихъ человѣкъ не можетъ.

Великое дѣло Божіе — сотвореніе человѣка, и потомъ, по паденіи его, обновленіе искупленіемъ — должно быть подробно извѣстнымъ каждому христіанину; безъ этого познанія онъ не можетъ знать и исполнять обязанностей христіанина. Познаніе великаго дѣла Божія не можетъ быть приобрѣтено при разсѣянности!

Заповѣди Христовы даны не только внѣшнему человѣку, но наиболѣе, внутреннему: онѣ объемлютъ всѣ помышленія и чувствованія человѣка, всѣ тончайшія движенія его. Соблюдать эти заповѣди невозможно безъ постоянной бдительности и глубокаго вниманія. Бдительность и вниманіе невозможны при жизни разсѣянной.

Грѣхъ и орудующій грѣхомъ діаволъ тонко вкрадываются въ умъ и сердце. Человѣкъ долженъ быть непрестанно на стражѣ противъ невидимыхъ враговъ своихъ. Какъ онъ будетъ на этой стражѣ, когда онъ преданъ разсѣянности?

Разсѣянный подобенъ дому безъ дверей и затворовъ: никакое сокровище не можетъ быть сохранено въ такомъ домѣ; онъ отверстъ для воровъ, разбойниковъ и блудницъ.

Разсѣянная жизнь, наполненная житейскими попеченіями, отягчаетъ человѣка, наравнѣ съ многояденіемъ и многопитаніемъ (Лук. 2, 34). Такой человѣкъ прилѣпленъ къ землѣ, занятъ однимъ временнымъ и суетнымъ; служеніе Богу дѣлается для разсѣянаго предметомъ постороннимъ; самая мысль объ этомъ служеніи для него дика, полна мрака, невыносимо тягостна.

Внимательная жизнь ослабляетъ дѣйствіе на человѣка тѣлесныхъ чувствъ, — изоощряетъ, укрѣпляетъ, образуетъ дѣйствіе чувствъ душевныхъ: Разсѣянность, напротивъ того, усыпляетъ дѣйствіе душевныхъ чувствъ: она питается непрерывнымъ дѣйствіемъ чувствъ тѣлесныхъ.

Тщетно разсѣянные приписываютъ невинность жизни разсѣянной! Этимъ они обличаютъ злокачественность недуга, ихъ объемяющаго. Ихъ недугъ такъ великъ, такъ притупляетъ чувства души, что душа, болѣзнующая имъ, даже не ощущаетъ своего бѣдственнаго состоянія.

Желающіе научиться вниманію, должны воспретить себѣ всѣ пустыя занятія.

Исполненіе обязанностей частныхъ и общественныхъ не входитъ въ составъ разсѣянности: разсѣянность всегда соединена съ праздностію, или съ такими пустыми занятіями, которые безошибочно могутъ быть причислены къ праздности.

Занятіе полезное, въ особенности занятіе служебное, сопряженное съ отвѣтственностію, не препятствуетъ къ сохраненію вниманія къ себѣ, — оно руководствуетъ къ такому вниманію. Тѣмъ болѣе руководствуютъ ко вниманію монастырскія послушанія, когда онѣ исполняются должнымъ образомъ. Дѣятельность — необходимый путь къ бдительности надъ собою, и этотъ путь предписывается святыми Отцами для всѣхъ, которые хотятъ научиться вниманію себѣ.

Вниманіе къ себѣ въ глубокомъ уединеніи приноситъ драгоценные духовные плоды: но къ нему способны только люди зрѣлаго духовнаго возраста, преуспѣвшіе въ подвигѣ благочестія, сперва научившіеся вниманію въ дѣятельной жизни.

СОРОКЪ МУЧЕНИКОВЪ СЕВАСТІЙСКИХЪ.

Почитаніе святыхъ четырехдесяти мучениковъ Севастійскихъ распространено было съ древнихъ временъ. Подвигъ ихъ прославленъ въ похвальныхъ словахъ Восточныхъ отцевъ Церкви 4-го вѣка. Они приняли мученическую смерть за исповѣданіе имени Христова во время гоненія на христіанъ отъ Ликинія, въ 320 году.

Это были воины, состоявшіе въ отрядѣ Римскаго войска, находившемся въ Севастіи Арменской, которые воспротивились убѣжденіемъ военачальника ихъ Агриколая и судьи князя Ласія почтить языческихъ боговъ установленными жертвоприношеніями.

Дорого было сохранить жизнь и привлечь на свою сторону этихъ воиновъ, извѣстныхъ неустрашимостью ихъ въ битвахъ и усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Не успѣвъ достигнуть ихъ отреченія отъ Христа посредствомъ томительнаго заключенія ихъ въ темницѣ, во время котораго они только ободряли и подкрѣпляли другъ друга и молитвою приготавливались къ мученическому подвигу, судья, сановникъ Ласій, хотѣлъ прельстить ихъ блистательными обѣщаніями чиновъ и даровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ грозилъ имъ лишеніемъ воинскаго сана въ случаѣ ихъ сопротивленія.

Не только санъ, но возьмите и жизнь нашу, — отвѣчалъ одинъ изъ воиновъ, Кандидъ, — потому что званіе христіанина для насъ всего дороже...

Брошенными съ яростію каменьями замкнуты были уста возражавшихъ... Они снова были отведены въ темницу, но, чудно подкрѣжденные Самимъ Богомъ, они, когда на другой день ихъ снова привели на судъ, съ тою же твердостію говорили: «дѣлайте съ нами что хотите, мы христіане, и не будемъ чествовать идоловъ».

Тогда опредѣлено было подвергнуть ихъ испытанію. Въ холодную мартовскую ночь, при сильномъ вѣтрѣ, они обнаженные загнаны были въ озеро, покрытое льдомъ. На случай отреченія кого нибудь изъ нихъ отъ исповѣдуемой ими съ такою твердостію вѣры, ради желанія отогрѣться послѣ муки нестерпимаго холода, на берегу была приготовлена баня. Но мученики, какъ выражается Церковь, «терпя настоящая доблественно, утѣшаясь надеждою, другъ ко другу глаголаша: мы не ризъ совлекаемся, но ветхаго чело-вѣка отлагаемъ. Люта зима, но сладокъ рай; болѣзненъ

ледь, но сладко воспріятіе; не уклонимся, мало претерпимъ, да вѣнцы побѣдными украсимся ютъ Христа Бога и Спаса душъ нашихъ».

И терпніемъ своимъ, и вѣрою, и горячею ко Христу любовію привлекли они на себя чудодѣйственную помощь Божію и устояли среди мученія. Одинъ только изъ нихъ не выдержалъ муки и, выйдя изъ озера, пожелалъ согрѣться въ банѣ, но едва вступилъ на порогъ ея, какъ упалъ мертвый.

Между тѣмъ одинъ изъ сторожей, видѣвшій, что убѣжавшій изъ воды, чтобы согрѣться въ банѣ, умеръ, тогда какъ оставшіеся въ водѣ живы, размышляя ю такой странности, и вдругъ быль пораженъ чуднымъ знаменіемъ, которымъ Господь благоволилъ прославить своихъ угольниковъ: чудный свѣтъ осіялъ мучениковъ и озарилъ надъ головами ихъ свѣтлые вѣнцы... Но вѣнцовъ этихъ было только тридцать девять... Гдѣ же сороковой?.. Тогда внезапно этотъ человекъ уразумѣлъ истину, увѣровалъ въ Того Бога, ради Котораго страдали хрістіане, самъ захотѣлъ быть въ числѣ ихъ и бросился раздѣлить ихъ участь въ покрытомъ льдомъ озерѣ... Имя новаго мученика, который замѣнилъ погибшаго вѣроотступника, было Аглай.

Утромъ, когда мучители пришли къ озеру, они увидѣли мучениковъ еще живыми и темничнаго сторожа посреди ихъ... Съ удивленіемъ услышали они о томъ, что произошло, но не смягчились сердца ихъ. Они велѣли страдальцевъ вывести изъ озера и молотками разбить ихъ окончѣвшія ноги. Во время этого жестокаго мученія, къ одному изъ мучениковъ, юношѣ Мелитону, пришла мать его. Она стояла при страданіяхъ сына и убѣждала святыхъ претрпѣть до конца...

Мученики скончались съ молитвой на устахъ, но юноша Мелитонъ еще дышалъ. Мучители велѣли везти тѣла мучениковъ на сожженіе, но оставили этого юношу, надѣясь, что онъ будетъ живъ. Мать же его подняла его къ себѣ на плечи и понесла его за тѣлами мучениковъ. Дорогой юноша предалъ радостно духъ свой Богу. Мать положила его тѣло на тѣла прочихъ мучениковъ. Воины сожгли ихъ и, по повелѣнію начальствующихъ, бросили кости ихъ въ рѣку. По видѣнію, бывшему епископу города Петру, кости эти были извлечены изъ воды и сохранены въ подобающемъ мѣстѣ.

Мюлва о подвигѣ Севастійскихъ воиновъ скоро распространилась и возбуждала общее благоговѣніе христіанъ. Св. Ефремъ Сиринъ рассказываетъ, что когда онъ посѣтилъ св. Василя Великаго, то они долго бесѣдовали объ этомъ подвигѣ христіанъ. Св. Василій Великій въ словѣ на день св. 40 мучениковъ говорилъ: «скорбящій прибѣгаетъ къ четыредесятымъ, веселящійся прибѣгаетъ къ нимъ же; одинъ — да обрящетъ разрѣшеніе скорбей, другой — да соблюдутся у него благая. Здѣсь жена благочестивая молится о чадахъ, проситъ возвращенія отшедшаго мужа, недугующему — здравія». Братъ св. Василя, Григорій Нисскій написалъ многія слова на день 40 мучениковъ. Св. Іоаннъ Дамаскинъ и Теофанъ Никейскій написали для Церкви нѣкоторыя стихиры на день 40 великомучениковъ. Православная Церковь постановила совершать въ день преставленія ихъ, 9-го марта, литургію, облегчать постъ, и тѣмъ день этотъ дѣлать торжественнѣе. «Се воинство міра оставивше, воспѣваетъ она, на небесѣхъ Владыцѣ прилѣпистеса, страстотерпцы Господни четыредесять: сквозь огонь бо и воду прошедше блаженни, достойно воспріясте славу съ небесъ и вѣнцевъ множество».

О ПЕРВОЙ НЕДѢЛѢ ПОСТА.

Изъ писемъ о богослуженіи А. Муравьева.

Первую недѣлю Великаго Поста, святые отцы особенно посвящали безмолвію и подвигамъ духовнымъ.

Одинъ изъ великихъ ютшельниковъ, соотечественникъ и почти современникъ св. Іоанна Дамаскина, святой Андрей, сперва просіявшій славою своихъ добродѣтелей въ пустынѣ Палестинской, а потомъ, какъ ревнитель вѣры, на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ въ Царьградѣ, и, наконецъ, на архипастырскомъ престолѣ Крита, сложилъ въ уединенія своего вертепа, умелительный канонъ покаянїя, который съ любовію приняла Церковь. Она узаконила читать его, какъ вѣрное выраженіе чувствъ всякаго христіанина, сокрушеннаго духомъ, дважды въ теченіе поста: на великомъ повечеріи первыхъ четырехъ дней его, по частямъ, и весь сполна; на утрени въ четвертокъ пятой недѣли; сюда же присоединенъ и малый канонъ Маріи Еги-

петской, бывшей образцомъ совершенства, какого можетъ достигнуть раскаянный грѣшникъ, при содѣйствіи благодати.

Изъ всѣхъ канонѡвъ, которыми такъ богата наша церковь, самый пространный и замѣчательный это великій канонъ св. Андрея Критскаго, потому что онъ, духовными весьма возвышенными созерцаніями, объемлетъ юба завѣта и въ особенномъ свѣтѣ освѣщаетъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ лицъ священной исторіи, извлекая назиданіе даже изъ ихъ паденій и растворяя плачь ихъ собственными слезами. Каждая пѣснь начинается молитвеннымъ воззваніемъ. Потомъ, какъ нѣкое духовное зрѣлище, выступаютъ передъ нами Праотцы, Патріархи, Судии, Цари и Пророки ветхозавѣтные, связанные между собою цѣпію глубокихъ созерцаній; наконецъ, какъ бы изнемогая подъ ихъ бременемъ. пустынный писатель обращается вновь на молитву и, въ изреченіяхъ Евангельскихъ притчей, ищетъ достойнаго выраженія души своей къ Богу. — Вся же девятая пѣснь, какъ вѣнецъ канона, исключительно посвящена воспоминанію дѣяній Спасителя. Я не могу описать тебѣ подробно всего творенія, хочу, однако-же, представить нѣкоторыя разительныя черты, чтобы ты съ большимъ вниманіемъ слушалъ его чтеніе.

«Откуда начну плакати окаяннаго моего житія дѣяній? кое ли положу начало, Христе, нынѣшнему рыданію? но яко благоутробенъ даждь ми прегрѣшеній оставленіе».

«Гряди, окаянная душа, съ плотію твоею, Зиждительно всѣхъ исповѣдся и устранися отнынѣ прежняго безсловесія и принеси Богу въ покояніе слезы».

Такъ начинается плачь свой Андрей Критскій и хоръ. отъ лица народа, на каждый стихъ жалобно ему отвѣчаетъ: «помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

И вотъ потекли изъ устъ его горькія, но вмѣстѣ высокія по духу обличенія: «мы поревновали приступленію праотца Адама, и подобно ему познали себя обнаженными отъ Бога; вмѣсто Евы чувственной, Евою мысленною былъ для насъ страстный помысль плоти, показующій сладкое, но напоющій горькимъ. Мы превзошли Каина убійствомъ, произвольно сдѣлавшись убійцами совѣсти душевной, и не принесли, подобно Авелю, ни чистой жертвы, ни житія неторочнаго Богу».

«Вонми небо и возглаголю, земля внушай гласъ, кающійся къ Богу и воспѣвающій Его».

«Душа моя, ты одна разверзла всѣ хляби гнѣва Божія и потопили ими тѣло и жизнь, какъ нѣкогда потоплены земля и все оставшееся внѣ спасительнаго ковчега».

Послѣ этой страшной картины потопа нашихъ страстей, зоветъ онъ юкаянную душу, не наслѣдовавшую ни благословеніе Симова, ни пространнаго владычества Іафетова, зоветъ, отъ языческой земли Харранъ, отъ грѣховъ ея, въ обѣтованную землю нетлѣнія, и велитъ ей быть вольнымъ пришельцемъ въ міръ, подобно Аврааму; уразумѣть новую жертву Исаака, тайно всесожженную Господу, и подражать его сердечному расположенію; беречься, чтобы ласкаемая плоть, какъ другая рабыня Агарь, не радила новаго Измаила, дерзости во грѣхѣ, который долженъ быть изгнанъ изъ дома Божія. Онъ даетъ ей образцемъ мирное житіе Священника Божія и Царя уединеннаго, Мельхиседека, который былъ подобіе Христово; велитъ бѣгать отъ возгорающейся чувственной похоти, какъ отъ пожара Содомскаго и не озираться вспясть, чтобы не сдѣлаться столпомъ славнымъ, какъ жена Лотова, но спастись горѣ въ Сигорь.

«Приближается душа, конецъ приближается и не радиши, не готовишися, время сокращается, близъ при дверяхъ судія есть; яко соніе, яко цвѣтъ, время житія течетъ, — что всеу мятемся?»

Глубоко изображено видѣніе Іакова и страдальческое его поприще: «лѣствица, которую видѣлъ древле великій въ Патріархахъ, о душа моя, есть указаніе дѣятельнаго восхожденія и разумнаго возшествія; и такъ, если хочешь вступить въ жизнь дѣятельную, разумную, — то обновися».

«Подъ образами двухъ женъ Іакова, разумѣй двоякую жизнь, дѣятельную и созерцательную: Лія, какъ многочадная, изображаетъ дѣятельность, Рахиль же, какъ многотрудная — созерцаніе; но безъ трудовъ не будетъ успѣха ни въ дѣятельности, ни въ созерцаніи».

Вотъ и великое лице Моисея является на обличеніе души. Она не убила, подобно ему, Египтянина, убійцу сына Израилева, то есть не умертвила въ себѣ чувственнаго помысла, отъ котораго страждетъ и изнемогаетъ умъ духовный: какъ же вселится, черезъ покояніе, въ пустыню оставленія страстей, чтобы тамъ быть въ созерцаніи Бога, котораго видѣлъ въ купинѣ неопалимой Моисей! Жезль его, ударяющій море, былъ образцемъ креста Божественнаго, коимъ и ты, душа, можешь совершить великое. «Да будутъ слезы мои купелію Силоама, восклицаетъ пѣвецъ,

проникнутый величіемъ развивающихся предъ нимъ судьбъ Божіихъ, да и я умою зѣницы сердца, и вижу мысленно тебя, свѣтъ превѣчный».

Цари Іуды и Пророки Израіля, одинъ за другимъ, сходятъ со ступеней своего престола или выходятъ изъ глубины своихъ пустынь, чтобы, по зову пастыря Критскаго, бесѣдовать къ душѣ нераскаянной, или поражать ее своими дѣянiями. Величественъ, въ стихахъ канона, этотъ рядъ помазанниковъ Божіихъ, которые, какъ пестуны ветхаго завета, ведутъ ее къ новому, чтобы она не предпочла кладези Хананейскихъ мыслей живымъ струямъ камня, точащаго Божію премудрость.

«Давидъ, избранный на царство, царски помазался ропомъ Божественнаго мира; и ты, о душа, если хочешь царствiя вышняго, помажься слезами, какъ миромъ».

Страшными примѣрами представляются ей Саулъ и Авессаломъ и Соломонъ, утратившій премудрость, Ровоамъ и Іеровоамъ, раздѣлившіе царство, и прокаженный святотатецъ Осія, и Ахавъ нечестивый, гонитель Пророковъ.

«Если, подражая ему, не покоришься словамъ Іліи Ѳесвитянина, то и тебѣ, о душа, заключится небо, и тебя постигнетъ гладъ Божій; но уподобися вдовицѣ Сарептской и напитай Пророчью душу».

«Дни мои исчезли, какъ сновидѣнiя пробуждающагося, и я плачу на ложѣ моемъ, какъ Царь Іезекія, дабы приложились мнѣ лѣта жизни: но какой Исаія предстанетъ тебѣ, о душа, если не всѣхъ Богъ?»

И къ этому жизнедавцу, Спасителю душъ, восходить наконецъ, духовный дѣписатель, прешедши все ветхозавѣтное, вопія, какъ разбойникъ: «помяни мя!»! взывая, какъ мытарь: «Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному!»! подражая въ неотступности Хананей и слѣпцамъ на распутіи: «помилуй мя сыне Давидовъ!»! источая слезы, вмѣсто мира, на главу и ноги Христовы, подобно блудницѣ, и горько плача надъ собою, какъ Марѳа и Марія надъ Лазаремъ.

«Законъ изнемогъ, торжествуетъ Евангеліе, Христось вочеловѣчился, призвавъ, къ покаянiю разбойниковъ и блудницъ, — душа покаяйся! отверста уже дверь царствiя и прежде тебя вторгаются въ нее мытари и фарисеи, и грѣшники кающіеся!»!

Когда же, въ нѣкоемъ духовномъ ужасѣ, издали слѣдуя за чудесами Спасителя и умиляясь надъ каждымъ подвигомъ земной его жизни, доходитъ онъ до страшнаго зако-

ленія, — крѣпость сердца его оскудѣваетъ и, вмѣстѣ со всею тварію, онъ умолкаетъ на трепещущей Голгоѣ, въ послѣдній разъ воскликнувъ:

«Судія мой и вѣдче мой, хотяй паки пріити со ангелы, судити міру всему, милостивымъ твоимъ окомъ тогда, видѣвъ мя пощади; ущедри мя, Иисусе, паче всякаго естества чловѣка согрѣшивша»

Внимая чтенію этого умелительнаго канона, невольно воскликнешь изъ глубины сердца: «Господи, если бы мы не имѣли святыхъ твоихъ, за себя молитвенниками, и твою благость, милующую насъ, — какъ дерзали бы мы воспѣвать тебя, Спаситель, котораго непрестанно словословятъ ангелы».

И эту молитву произноситъ Церковь, вслѣдъ за хвалебнымъ псалмомъ, прерываемымъ трогательнымъ пѣніемъ: «Господи силъ съ нами буди!» на томъ же великомъ вечерни, которое называется м е ѳ и м о н а м и, (отъ греческаго: меѳимонъ о Ѳеос, «съ нами Богъ»), ибо этотъ стихъ повторяется нѣсколько разъ.

Во все теченіе четырьдесятницы, на утреннихъ и вечернихъ служеніяхъ, читаются книги ветхаго Завѣта; такъ съ самой первой вечерни, предлагаются въ услышаніе вѣрнымъ: книга Бытія и книга Припчей Соломоновыхъ, поставляющая началомъ премудрости страхъ Господень. Одна, историческая, открываетъ намъ высокое происхожденіе и первобытныя судьбы міра, другая нравственная, руководствуетъ насъ въ дѣлахъ жизни. А на шестомъ часѣ, чтеніе Исаіи, столько же Евангелиста, сколько и Пророка, потому что онъ ясно говоритъ, какъ бы современникамъ, о грядущемъ Искупителѣ, соединяетъ собою оба Завѣта. Эти три книги, полнотою историческихъ, нравственныхъ и духовныхъ созерцаній, питають душу на пути покаянія.

«Услыши небо и вонми земля», такъ начинается Исаія, «ибо Господь возглаголаъ: сыновъ родиль я и воспиталь, а они меня отверглись; знаетъ волю стяжавшаго и осель ясли господина своего; а Израиль меня не знаетъ и люди меня не уразумѣють!.. Измойтесь и чисты будьте, отымите лукавства отъ душъ вашихъ; научитесь добро творить, взыщите правосудіе, избавьте обидимаго, судите сирому и оправдайте вдовицу, и тогда прійдите и состязимся, и если будутъ грѣхи ваши, какъ багряница, какъ снѣгъ ихъ убѣлю».

Далѣе, отъ обличенія ветхаго чловѣка, въ ветхомъ

Завѣтъ, переходя къ отраднымъ чаяніямъ новаго человѣка, въ новомъ Завѣтъ, пророкъ говоритъ: «въ послѣдніе дни явлена будетъ гора Господня и домъ Господень наверху горы, и вознесется превыше всѣхъ холмовъ, и придутъ къ нему всѣ языки (народы), и пойдутъ языки многіе и речуть: придите и взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля, и возвѣститъ намъ путь свой и поидемъ по немъ. Такъ глаголетъ Господь: отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима, и судить будетъ посреди языковъ и изблечитъ людей многихъ».

Въ среду этой великой недѣли совершается первая преждеосвященная литургія, соединенная съ вечернею. Трогательныя стихиры поются въ назиданіе Церкви, во время первой великопостной обѣдни, особенно располагающей душу къ молитвѣ.

«Братіе, постясь тѣлесно, станемъ поститься и духовно: развяжемъ всякій узелъ неправды, всякое писаніе неправедное раздеремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбъ и нищихъ безкровныхъ введемъ въ дома, да примемъ отъ Христа Бога велию милость».

«Если есть какая добродѣтель или какая похвала, то онѣ подобаютъ Святымъ: они преклонили выю свою подъ мечъ, ради Тебя, преклонившаго небеса и къ намъ сошедшаго; они изляли кровь свою ради Тебя, истощившаго себя для насъ и пріявшаго образъ раба, и, подражая нищетѣ Твоей, смирили себя даже до смерти. Ихъ молитвами, Боже, по множеству щедротъ Твоихъ, помилуй насъ».

Особенно замѣчательно въ этотъ день чтеніе притчей, которыми Соломонъ, поучая, насъ, говоритъ: «если ты призовешь премудрость, если подашь голосъ твой разуму, если громогласно будешь звать къ себѣ сокровенное духовное чувство, если будешь искать премудрости, какъ сребра, и доискиваться, какъ сокровища, то уразумѣешь страхъ Господень и обрѣтешь познаніе Божіе: ибо Господь даетъ премудрость и отъ лица Его нисходитъ познаніе и разумъ. Если же придетъ премудрость въ мысль твою, если душа твоя найдеть прекраснымъ нравственное духовное чувство, — то доброе намѣреніе сохранить тебя и святое помышленіе бережетъ тебя; ибо правые вселяются на землѣ и святыя остаются на ней, пути же нечестивыхъ погибнутъ».

Чтеніе Бытія, по днямъ, слѣдуетъ по порядку самой книги, но достойно примѣчанія, что въ дни литургіи, когда собирается болѣе народа въ храмъ, предложены два важ-

нѣйшія сказанія, о судьбѣ всего человѣчества: въ среду, сотвореніе по образу Божію и по подобію, а въ пятницу, горькое епо. преслушаніе и изгнаніе изъ рая. Въ пятницу же, передъ окончаніемъ обѣдни, выносятся посреди церкви и благословляется к о л и в о, то есть варенныя хлѣбныя сѣмена съ сухими плодами, и поется к а н о н ъ на память св. **Теодора Тирона**, бывшаго ратникомъ и мученикомъ во дни гоненій. Когда Юліанъ отступникъ, ругаясь надъ христіанами, велѣлъ однажды, чтобы все продаваемое для пищи, на торжищахъ Царьградскихъ, окроплено было кровію идольскихъ жертвъ, тогда св. **Теодоръ** явился во снѣ патриарху, чтобы охранить вѣрныхъ отъ оскверненія и предложилъ ему эту простую пищу, для употребленія въ домахъ; съ тѣхъ поръ Церковь установила совершать ежегодно воспоминаніе его благой помощи.

«Постную пучину преплыти тихо сподоби мя, Христе, утишая волны мысли моея, и въ пристанище воскресенія окорми (направи)».

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ ПРАВИЛА ПРОПОДОБНАГО ПИМЕНА.

О покаяніи.

Старецъ. Я сдѣлалъ тяжкій грѣхъ и хочу три года быть въ покаяніи. Сего времени довольно ли къ тому, чтобы очистить грѣхи мои?

Св. Пименъ. Много.

Старецъ. Такъ благослови, отче, на покаяніе одинъ годъ.

Св. Пименъ. Много.

Старецъ. И такъ довольно четыре-десяти дней для покаянія?

Св. Пименъ. Много. — Я думаю такъ: если человѣкъ покается отъ всего сердца и положитъ твердое намѣреніе, чтобы на грѣхъ не возвращаться, то Богъ пріиметъ и тридневное покаяніе.

Не вдругъ вѣрь, когда слышишь о комъ худое.

Старецъ. Отче, я смущаюсь и хочу уйти отсюда.

Св. Пименъ. Для чего такъ?

Старецъ. Слышу постыдныя слова объ одномъ изъ живущихъ здѣсь братьевъ, и соблазняюсь.

Св. Пименъ. Ты слышалъ неправду.

Старець. Но мнѣ сказывалъ вѣрный человекъ

Св. Пименъ. Вѣрный! нѣтъ; если бы онъ былъ таковъ, то бы не юбъявилъ тебѣ того, что видѣлъ; не вѣр ему, пока самъ не увидишь; ибо и Богъ, слыша вопль Содомскій, не повѣрилъ, доколѣ Самъ не увидѣлъ Своими очами: «воплъ, — сказалъ Господь, — Содомскій и Гоморрскій умножился, и грѣхи ихъ велики зѣло: сошедъ убо да вижду, аще по воплю ихъ есть».

Старець. Ахъ! я и самъ видѣлъ его прегрѣшеніе, — самъ моими очами.

Св. Пименъ. (поднявъ съ пола сучокъ). Что это?

Старець. Это сучокъ.

Св. Пименъ. (воззрѣвъ на потолокъ и указавъ на бревно). А это что?

Старець. Это бревно.

Св. Пименъ. Положи же въ сердцѣ твоемъ, что твои грѣхи — это бревно, а грѣхъ брата твоего — этотъ сучокъ.

Не обнаруживай чужіе грѣхи.

Вопросъ: Если вижу прегрѣшенія брата моего, должно ли мнѣ покрыть его?

Отвѣтъ: Если покроемъ прегрѣшенія брата, и Богъ покроетъ наши грѣхи.

Два старца жили въ одной келліи, и никогда не возникало между ними ни малѣйшаго неудовольствія. Видя это, одинъ сказалъ другому: поссоримся и мы, хотя однажды, какъ ссорятся люди. Другой отвѣчалъ: вовсе не знаю я, какимъ образомъ можетъ породиться ссора. Первый сказалъ: вотъ, я поставлю посреди насъ глиняную посуду и скажу: «она моя», а ты скажи: «она не твоя, а моя». Изъ этого родится споръ, а изъ спора — ссора. Сговорившись такъ, они поставили посуду посреди себя, причемъ одинъ сказалъ: она моя. Другой отвѣчалъ: а я полагаю, что она — моя. Первый опять сказалъ: не твоя, но моя. Тогда второй отвѣчалъ: а если она — твоя, то возьми ее. Такимъ образомъ они не могли достигъ того, чтобы поссориться.

Изъ Отечника.

СКАЗАНИЕ.

Изъ древнихъ отечниковъ по еп. Теофану.

Одинъ глубокой старецъ, жившій въ уединенной пустынь, впалъ въ уныніе и тьма помышлений начала сокрушать душу его, внушая ему недоумѣнія, правильно ли живетъ онъ, и есть ли надежда, что труды его увѣнчаются наконецъ успѣхомъ. Старецъ сидѣлъ, поникши головою. Сердце ныло, но очи не давали слезъ. Сухая скорбь томила его. Между тѣмъ, какъ онъ такъ убивался горемъ, предсталъ ему Ангелъ Господень, и сказалъ: «что смущаешься и зачѣмъ помышленія входятъ въ сердце твое? Не ты первый и не ты послѣдній идешь этимъ путемъ. Многіе уже прошли имъ, многіе идутъ — и многіе пройдутъ имъ въ свѣтлыя обители райскія. — Ступай, — я тебѣ покажу разные пути, какими ходятъ сыны человѣческіе, равно какъ и то, куда приводятъ сіи пути. — Смотри — и вразумляйся!»

Повинуясь мановенію Ангела, старецъ всталъ и пошелъ; но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ сталъ внѣ себя и погрузился въ созерцаніе дивнаго видѣнія, которое открылось умнымъ очамъ его. Онъ видѣлъ по лѣвую отъ себя сторону густой мракъ, какъ стѣну непроницаемую, внутри котораго слышались шумъ, тревога и смятеніе. — Всмотриваясь внимательнѣе въ мракъ, увидѣлъ онъ широкую рѣку, по которой волны ходили взадъ и впередъ, вправо и влѣво, — и кто-то всякій разъ, какъ мелькала передъ очами его волна, какъ бы на ухо внятно произносилъ старцу: это волна невѣрія, безпечности, холодности, это — немилосердія, разврата, взяточничества, это — нѣги, забавы, зависти, раздора, а это — пьянства, нечистоты, лѣности, невѣрности супруговъ, и проч... — и всякая волна поворачивала на себѣ предъ нимъ несмѣтное множество людей, поднимая ихъ изъ рѣки и снова погружая въ глубь ея. Въ ужасъ старецъ воскликнулъ: Господи! неужели всѣ они погибнуть и нѣтъ имъ надежды спасенія? Ангелъ сказалъ ему: смотри далѣе, и узришь милость и привиду Божью!

Старецъ взглянулъ еще на рѣку, и увидѣлъ ее по всей широтѣ и по всей долготѣ своей покрытою малыми ладьями, въ которыхъ сидѣли свѣтлые юноши со всякаго рода орудіями во спасеніе утопающихъ. Они всѣхъ призывали къ себѣ, и инымъ подавали руки, другимъ спускали жерди

и доски, тѣмъ бросали верви, а иногда погружали въ глубь багры и крюки, не ухватится ли и тамъ кто? И что же? Рѣдкій-рѣдкій юткликался на призывный голосъ ихъ, и еще менѣе было такихъ, которые пользовались, какъ слѣдуетъ, подаваемыми имъ орудіями спасенія. Наибольшая часть съ презорствомъ отвергали ихъ, и съ какимъ-то дикимъ услажденіемъ погружались въ этой рѣкѣ, издававшей чадъ, смрадъ и гарь. Старецъ простеръ взоръ свой вдоль рѣки, и въ концѣ ея увидѣлъ бездну, въ которую низвергалась она. Юноши въ большомъ количествѣ стремительно плавали въ ладьяхъ туда и сюда у самаго края бездны, заботливо подавая помощь всякому, но не смотря на то, каждую минуту на каждой точкѣ рѣки, цѣлыя тысячи людей вмѣстѣ съ рѣкою низвергались въ бездну, откуда были слышны юдни стоны отчаянья и скрежетъ зубовъ. — Старецъ закрылъ лицо свое и зарыдалъ. — И былъ къ нему голосъ съ неба: «горько, но кто виновень? Скажи, что бы еще могъ Я сдѣлать для спасенія ихъ, чего бы не сдѣлалъ? Но они съ ожесточеніемъ отвергають всякую, подаваемую имъ помощь. Они отвергнутъ Меня, если Я низойду на помощь къ нимъ въ самыя безотрадныя мѣста ихъ страданія».

Успокоившись нѣсколько, старецъ обратилъ очи свои на правую сторону, къ свѣтлому востоку и утѣшенъ былъ отраднымъ видѣніемъ. Тѣ, которые, внимая зову свѣтлыхъ юношей, подавали имъ руку или хватались за какое нибудь спасительное орудіе, были извлекаемы ими на правый берегъ. Здѣсь принимали ихъ другія лица, вводили въ небольшія стройныя зданія, разсѣянныя въ большомъ количествѣ по всему протяженію берега, гдѣ ихъ обмывали чистою водою, облекали въ чистыя юдежды, опоясывали, обували, давали посохъ и, подкрѣпивъ пищею, ютсылали въ путь, — далѣе къ востоку, заповѣдавъ имъ — не озираться вспять, идти безъ остановки, внимательно смотрѣть подъ ноги, и не пропускать ни одного подобнаго зданія безъ того, чтобы не зайти въ него и подкрѣпить себя въ немъ пищею и совѣтомъ ютъ тѣхъ, чьему попеченію ввѣрены эти зданія, равно какъ всѣ заходящіе въ нихъ.

Старецъ провелъ глазами по берегу и увидѣлъ, что на всемъ протяженіи его, готовятся въ путь эти избавленные. — На лицѣ всѣхъ отпечатлѣвались радость и воодушевленіе. Видно было, что они всѣ чувствовали особенную легкость и съ нѣкоторою неудержимостію устремлялись въ путь, первыя стадіи котораго усѣяны пріятными цвѣтами.

Старець обратилъ потомъ свой взоръ далѣе къ востоку, и вотъ что ему открылось! — Приятный лугъ оканчивался невдали отъ берега; далѣе начинались горы, лежавшія хребтами въ разныхъ направленіяхъ. Онѣ шли, поднимаясь все выше и выше, и пересѣкаясь пропастями, — то голыя и утесистыя, то покрытыя кустарниками и лѣсами. Повсюду по нимъ были видны путники-труженики. Иной карабкался на крутизну, другой — сидѣлъ въ утомленіи или стоялъ въ раздумьѣ, тотъ боролся со звѣремъ или змією; одинъ шелъ прямо къ востоку, а другой по косвенному направленію, а иной перерѣзывалъ поперечно пути другимъ; — только всѣ были въ трудѣ и потѣ, въ борьбѣ и напряженіи силъ и душевныхъ и тѣлесныхъ. Рѣдкій путникъ видѣлъ дорогу: часто она совсѣмъ пропадала или раздроблялась въ распутіа; въ иномъ мѣстѣ скрывали ее туманъ и мракъ, въ иномъ пресѣкала пропасть или крутой утесъ; тамъ преграждали ее звѣри изъ дубравы или ядовитыя гады изъ ущелій. — Но вотъ что дивно! Повсюду по порамъ разсѣяны были красивыя зданія, подобныя тѣмъ, въ которыя принимаемы были въ первый разъ спасенные отъ воды. Коль скоро путникъ заходилъ въ нихъ, какъ ему заповѣдано въ началѣ, то какъ бы онъ ни былъ изможденъ до того времени, выходилъ оттуда бодрымъ и полнымъ силъ. Тогда звѣри и гады не могли выносить взора его, и бѣжали отъ него; — никакія препятствія надолго не останавливали его; и онъ легко и скоро отыскивалъ скрывавшійся какимъ-либо образомъ путь, по тѣмъ указаніямъ, какія получалъ въ тѣхъ зданіяхъ. — Всякій разъ, какъ преодолевалъ кто препятствія или одолевалъ врага, становился крѣпче, выше и статнѣе; чѣмъ кто выше всходилъ, тѣмъ болѣе хорошѣлъ и свѣтлѣлъ. Къ вершинѣ горы мѣстность опять становилась гладкою и цвѣтистою; но вступившіе на нее вскорѣ входили въ свѣтлый облакъ, или туманъ, изъ котораго болѣе уже не показывались.

Старець поднималъ очи выше этого облака и изъ-за него, или изъ-за горы увидѣлъ чудный, неописанной красоты свѣтъ, изъ котораго доносились къ нему сладостныя звуки: «Святъ, Святъ, Святъ Господь, Саваоѣ!» — Старець въ умиленіи палъ ницъ, и надъ нимъ звучно пронеслось слово Господне: «такъ бѣгите, чтобы получить» (I Кор. 9, 24).

Поднявшись снова на ноги, старецъ увидѣвъ, что съ

разныхъ высотъ горы, немалое число путниковъ, въ разныхъ мѣстахъ, стремительно бѣжали снова къ рѣкѣ, то молча, то съ крикомъ и хульными, бранными словами. Къ каждому изъ нихъ и сверху и съ боковъ обращено было воззваніе: «остановись, остановись!»! Но гонимые какими-то малорослыми муринами, они не внимали остеререженію, и снова погружались въ смердящую рѣку. Тогда старецъ въ изумленіи воззвалъ: Господи! что это? и услышалъ въ отвѣтъ: «плодъ самочинія и непокорливости богоучрежденному порядку». — Тѣмъ видѣніе кончилось.

Ангель, показывавшій его старцу, спросилъ его наконецъ: «утѣшенъ ли»? — И старецъ поклонился ему до земли.

Думаю, братія, нѣтъ нужды много говорить вамъ для истолкованія сего видѣнія. — Рѣка есть міръ; погруженные въ ней люди, — живущіе по духу міра, въ страстяхъ, порокахъ и грѣхахъ; свѣтлые юноши въ ладьяхъ суть Ангелы и, вообще призывающая къ спасенію благодать; бездна, въ которую низвергалась рѣка съ людьми, есть пагуба; красивое на правомъ берегу зданіе — Церковь, гдѣ черезъ таинства покаянія или крещенія, обратившіеся грѣшники омываются отъ грѣховъ, облакаются въ одежду оправданія, препоясуются силою свыше, и поставляются на путь ко спасенію; восходъ на гору, съ разными затрудненіями — разные труды въ очищеніи сердца ютъ страстей; звѣри и гады — враги спасенія; гладкая въ вершинѣ мѣстность — умиротвореніе сердца; свѣтлое облако, скрывающее путникомъ, — покояная смерть; свѣтъ изъ-за горы — рай блаженный; зданія, разсѣянные на горѣ — храмы Божіи. — Кто заходитъ въ эти зданія на пути, т. е. принимаетъ таинства и участвуетъ въ священнодѣйствіяхъ и молитвованіяхъ Церкви, пользуется совѣтомъ и руководствомъ пастырей, тотъ легко одолеваетъ всѣ препятствія, и скоро востекаетъ къ совершенству. А кто самочинно отвергаетъ ихъ, не подчиняясь указаніямъ и совѣтамъ пастырей, тотъ скоро падаетъ, и духъ міра увлекаетъ его.

Добавлять къ этому какое-либо увѣщаніе считаю излишнимъ. Умоляю только васъ, братія, спаситесь отъ вѣка сего лукаваго! Аминь.

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТЪ МАТФЕЯ*).

3.

Поклоненіе волхвовъ.

Мф. 2, 1—12.

Никто не забыть у Отца Небеснаго въ Его великомъ семействѣ; Онъ — Богъ не Иудеевъ только, но и язычниковъ; Онъ — Богъ и Спаситель всѣхъ сыновъ Адамовыхъ. «Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческой», говоритъ св. Апостоль Павелъ (Дѣян. 17, 26, 27), «для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы юни искали Бога, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли». И хотя люди забыли Бога и стали поклоняться идоламъ, но въ ихъ сердцахъ, въ ихъ совѣсти, хотя и смутно, все же слышался голосъ Божій, и лучшіе изъ язычниковъ не переставали искать Божіей правды, слѣдуя внушеніямъ своей совѣсти. Сократъ говорилъ: «не надѣйтесь исправить человѣческіе нравы, доколѣ Самъ Богъ не благоволитъ послать особеннаго Мужа для наставленія насъ самихъ». — «Не быть на землѣ порядку, говорилъ Платонъ, если только Самъ Богъ, сокрывшись подъ образомъ чело-вѣка, не разъяснитъ намъ и наши отношенія къ Нему, и наши взаимныя обязанности другъ къ другу». — Поэтому предъ временемъ Рождества Христова, не одни Иудеи ожидали пришествія желаннаго и обѣтованнаго Мессіи — Христа: весь, исполненный грѣхомъ, міръ смутно ожидалъ себѣ Избавителя. Это ожиданіе особенно было распространено на Востокъ: тамъ, среди Персовъ, больше, чѣмъ у другихъ народовъ, сохранилось библейскихъ преданій; тамъ, послѣ плѣна вавилонскаго, много юсталось Евреевъ, которые распростра-няли среди жителей Востока свои вѣрованія, свои надежды и ожиданія. Евреи, а за ними и другіе народы ожидали явленія великаго Царя, Который долженъ былъ родиться въ Иудеѣ и покорить Себѣ весь міръ. И вотъ, какъ только Господь Иисусъ Христосъ родился въ Вифлеемѣ, — среди тмы идолопоклонства, въ странѣ невѣрія, нашлись люди, которые такъ усердно чаяли Утѣхи Израилевой-Христа, что при пер-

---

*) См. «Вѣчное» №№ 1 и 2.

вомъ знаменіи съ неба, при появленіи необыкновенной звѣзды, идутъ издалека на поклоненіе родившемуся Спасителю. КОГДА ЖЕ ИСУСЪ РОДИЛСЯ, повѣствуетъ св. Евангелистъ Матфей, ВЪ ВИФЛЕЕМЪ ИУДЕЙСКОМЪ, — (быль еще другой Вифлеемъ — Галилейскій), — ВО ДНИ ЦАРЯ ИРОДА — Евангелистъ упоминаетъ объ Иродѣ дабы показать, что у Іудеевъ въ то время уже не было своего природнаго царя, а царствовалъ иноплеменникъ Иродъ, и значить, настало время пришествія Христова, согласно пророчеству праотца Іакова, — и называетъ Ирода царемъ въ отличіе отъ другого Ирода, который былъ сынъ перваго и — титула царскаго не имѣлъ, — ПРИШЛИ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ ВОЛХВЫ СЪ ВОСТОКА. Волхвы, шедшіе въ Іерусалимъ изъ дальней страны, могли притти прежде событія, могли притти и спустя долго послѣ; но они пришли именно около того времени, когда родился Сынъ Божій, дабы это чрезвычайное событіе не оставалось надолго неизвѣстнымъ для Іерусалима. Такое соотвѣтствіе въ пришествіи волхвовъ со временемъ рожденія Спасителя показываетъ, что въ ихъ путешествіи все было предопредѣлено свыше и что это путешествіе началось за немало времени до рожденія Господа (Исаія, 60,3).

Что же это были за люди — волхвы? Это были люди мудрые, ученые, и притомъ благочестивые, усердные къ вѣрѣ и предметамъ святымъ. За свою доброту и чистосердечіе они и удостоились быть первыми призванными въ Вифлеемъ на поклоненіе Спасителю міра. Преданіе называетъ ихъ даже царями и сохранило ихъ имена: Мелхіоръ, Гаспаръ и Валтасаръ (*). По тому же преданію, родомъ они были изъ Персіи или древней Вавилоніи, гдѣ за 500 лѣтъ до нихъ жилъ св. пророкъ Даніиль. Этотъ великій пророкъ въ свое время былъ начальникомъ надъ всѣми вавилонскими мудрецами; юнъ, конечно, передалъ своимъ подчиненнымъ истинныя понятія о Богѣ; очень вѣроятно, что онъ указалъ волхвамъ пророчество древняго ихъ предка — волхва Валаама, который еще во времена Моисея изрекъ о Спасителѣ такое слово: «Восходитъ звѣзда отъ Іакова и возстаетъ жезлъ отъ Израиля и сокрушаетъ всѣхъ сыновъ Сифовыхъ» (Числ. 24, 17). Можно думать, что и книга пророчествъ Даніило-

---

*) Мелхіоръ — сѣдовласый старецъ, съ длинною бородою; онъ принесъ Господу — золото. Гаспаръ безбородый, румяный юноша принесъ ливанъ; а Валтасаръ — смуглый лицомъ мужъ среднихъ лѣтъ принесъ смирну.

выхъ была извѣстна волхвамъ, а потому они могли знать и исчисленіе с е д м и н ѣ Данииловыхъ. Такъ отъ временъ Даниила пророка до самаго времени Рождества Христова у восточныхъ мудрецовъ хранилось преданіе о грядущемъ въ міръ великомъ Царѣ Израильскомъ. Въ то время люди вѣрили, что рожденіе и смерть великихъ мужей сопровождается появленіемъ и исчезновеніемъ на небѣ звѣздъ. Внимательные къ путямъ Промысла Божія волхвы ждали явленія такой звѣзды предъ рожденіемъ ожидаемаго Царя Израильскаго, и вотъ, увидѣвъ ее, они признаютъ за несомнѣнное, что этотъ Царь уже родился, приходятъ въ Иерусалимъ, какъ въ столицу Иудейскаго царства, и здѣсь разспрашиваютъ всѣхъ о новорожденномъ Царѣ, ГОВОРЯТЪ: ГДѢ РОДИВШІЙСЯ ЦАРЬ ІУДЕЙСКІЙ? Каково же было ихъ удивленіе, когда оказалось, что тамъ еще никто не зналъ о совершившемся великомъ событіи, и Іудеи изумленно спрашивали волхвовъ: какъ они узнали о рожденіи Царя Иудейскаго? На это волхвы какъ бы такъ говорили: «странно, что вы, Іудеи, ничего не знаете о Немъ; насъ привело сюда не праздное любопытство, а знаменіе небесное: МЫ ВИДѢЛИ ЗВѢЗДУ ЕГО НА ВОСТОКѢ. Какъ же намъ было не притти сюда? И такъ, гдѣ же вашъ новый Царь? Насъ влечетъ къ Нему не выгода, не политика какая нибудь, а глубокое душевное уваженіе къ Нему и вѣра: И ПРИШЛИ ПОКЛОНИТЬСЯ ЕМУ — воздать Ему честь, какая подобаешь такому великому и священному Лицу». «Эта звѣзда, говоритъ св. Игнатій Богоносець, возсіяла на небѣ ярче всѣхъ звѣздъ, и свѣтъ ея былъ неизреченный, а новость ея произвела во всѣхъ изумленіе: всѣ прочія звѣзды, вмѣстѣ съ солнцемъ и луною. составляли какъ бы хоръ около этой звѣзды и она разливала свѣтъ свой на всѣ другія свѣтила».

Что-же это была за звѣзда, которую они видѣли? — По изясненію св. Златоуста, это была невидимая сила Ангельская, принявшая видъ звѣзды. Въ самомъ дѣлѣ: смотрите, что дѣлается съ этою чудесною звѣздой? Всѣ звѣзды имѣютъ путь съ Востока на западъ, а эта — съ сѣвера, изъ Персіи — на югъ, въ Иерусалимъ; всѣ видимы только ночью, а эта — и днемъ при сіяніи солнца; она то появляется, то скрывается: когда волхвы пришли въ Иерусалимъ, ея не стало видно, а когда вышли изъ Иерусалима — она опять явилась; при томъ, подобно столпу облачному, водившему Евреевъ по пустынѣ, и она шла впереди волхвовъ, когда они

шли, и останавливалась, когда они стояли; наконецъ, показавъ имъ самое мѣсто, гдѣ былъ Богомладенецъ, она со-всѣмъ стала невидима. Ясно, простая звѣзда не могла быть такимъ путеводителемъ для волхвовъ: это была сила Ангельская. «Почему Богъ привелъ ко Христу волхвовъ звѣздою, а не другимъ средствомъ? вопрошаетъ св. Златоустъ, и отвѣтствуетъ: по Своему особенному снисхожденію къ немощи человѣческой. Богъ употребилъ для ихъ призванія то, что было имъ больше знакомо. Они занимались наблюденіемъ звѣздъ, Богъ и призвалъ ихъ звѣздою». Такъ, по словамъ пѣсни церковной, звѣзда мѣ служашіе звѣздою учахуся кланятися Сяницу правды — Христу. Какъ же они узнали, что звѣзда возвѣщаетъ имъ рожденіе именно Царя Іудейскаго, а не другого кого? «Мнѣ кажется, говоритъ св. Златоустъ, что это было дѣломъ не одной звѣзды, но Самъ Богъ подвигомъ ихъ сердце подобно тому, какъ расположилъ Онъ персидскаго царя Кира отпустить Іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна» (I Ездр. I, 1). Они ждали великаго Царя Іудейскаго, — вотъ благодать Божія, всегда пребывающая въ чистыхъ душахъ, и внушила имъ оставить все и идти въ Іудею. — Когда же появилась эта звѣзда? Св. Златоустъ говоритъ, что волхвы увидѣли ее задолго до Рождества Христова, по крайней мѣрѣ за столько времени, сколько нужно было волхвамъ для путешествія въ Іудею. А нашъ Святитель Димитрій Ростовскій говоритъ, что, придерживаясь мнѣнія св. Златоуста, благопристойно думать, что эта звѣзда явилась за девять мѣсяцевъ до Рождества Христова, въ тотъ благословенный день и часъ, когда благовѣстіемъ Архангела и наитіемъ Духа Святаго зачатъ былъ во чревѣ Матери Господь нашъ Іисусъ Христосъ. — Но почему же звѣзда не повела ихъ прямо въ Вифлеемъ? Если бы они не заходили въ Іерусалимъ, то была бы устранена всякая опасность для нихъ, даже для Самого Отрочати — отъ Ирода... Богу угодно было именно черезъ нихъ возвѣстить о рожденіи Христа самому Іерусалиму, самимъ первосвященникамъ и книжникамъ Іудейскимъ, и тѣмъ обличить ихъ духовную лѣность и нерадѣніе.

И такъ, волхвы въ Іерусалимѣ благовѣствуютъ о рожденіи всѣмъ ожидаемаго Спасителя. Что же производитъ тамъ эта радостная вѣсть? УСЛЫШАВЪ ЭТО, ИРОДЪ ЦАРЬ ВСТРЕВОЖИЛСЯ, И ВЕСЬ ІЕРУСАЛИМЪ СЪ НИМЪ, — особенно же, конечно, смутились приверженцы Ирода. И

какъ было не смутиться при этой вѣсти подозрительному Ироду, который стерегъ всѣ входы и исходы своего царства? Онъ былъ — царь незаконный, иноплеменникъ, самозванецъ, воцаренный Римлянами; онъ былъ ненавистенъ своему народу за свою жестокость, которая простиралась до того, что по одному подозрѣнію онъ предавалъ казни даже своихъ собственныхъ дѣтей. Иродъ только-что передъ этимъ учинилъ кровавую расправу съ заговорщиками, которые въ самомъ дворцѣ покушались убить его; удрученный лѣтами и омерзительной болѣзнью, которая потомъ свела его въ могилу, тиранъ испугался, когда ему доложено было, что именно теперь, когда его оставляли уже силы, теперь-то и родился Мессія, истинный Сынъ Давидовъ, законный Царь, Который, думалъ онъ, отниметъ у него царство... Какъ же было не смущаться такому тирану при такомъ извѣстїи? — Но чего же боялся Іерусалимъ? Вѣдь пророки еще задолго предсказали, что Христосъ придетъ спасти Свой народъ, что Онъ будетъ его Благодѣтелемъ и Освободителемъ? Что же смущало теперь Іудеевъ? Имъ надо было радоваться, что у нихъ родился такой Царь, Который, будучи еще Младенцемъ, уже привлекъ къ Себѣ на поклоненіе мудрецовъ персидскихъ, а впоследствии покорить Себѣ всѣ народы земные? — Если бы они любили Христа, то обрадовались бы и вѣсти о Его рожденїи, какъ и дѣйствительно радовались многіе избранники Божїи, напримѣръ Симеонъ и Анна; но Іудеи больше любили самихъ себя, чѣмъ Христа; каждый теперь вѣроятно подумалъ, что Иродъ, какъ только узнаетъ о рожденїи Царя-Христа, страшно ожесточится и будетъ преслѣдовать всѣхъ, кто рѣшился бы поклониться Христу, и вотъ, каждый берегъ только себя самого, и боялся громко говорить о Христѣ... А Иродъ между тѣмъ рѣшалъ вопросъ: что ему дѣлать? Убить волхвовъ? Но что ему пользы отъ того, если Самъ новорожденный Царь уцѣлѣетъ? Вѣдь онъ еще не знаетъ: гдѣ этотъ Младенецъ и кто Онъ? И вотъ въ мрачной душѣ Ирода составилъ ужасный планъ: чрезъ самихъ же волхвовъ все развѣдать о Царственномъ Младенцѣ, а потомъ — убить Его, и если нужно, то съ Нимъ и волхвовъ — за то, что они взволновали его народъ. И СОБРАВЪ ВСѢХЪ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВЪ — всѣхъ членовъ синадрїона (а ихъ было 72) И КНИЖНИКОВЪ НАРОДНЫХЪ, — всѣхъ ученыхъ знатоковъ Писанїя, СІРАШИВАЛЪ У НИХЪ: ГДѢ ДОЛЖНО РОДИТЬСЯ ХРИСТУ? Гдѣ Ему

должно родиться согласно древнимъ пророчествамъ и обѣтованіямъ? Хотя волхвы и не говорили, что Царь, Котораго они ищутъ, есть Христось, но Иродь сразу понялъ, о какомъ Царѣ идетъ рѣчь. И вотъ онъ спрашиваетъ, лукаво притворяясь усерднымъ чителемъ Бога Израилева и обѣтованнаго Христа, а потому и отвѣтъ получаетъ прямой и ясный: ОНИ ЖЕ СКАЗАЛИ ЕМУ: ВЪ ВИФЛЕЕМѢ ІУДЕЙСКОМЪ. «Они прекрасно разрѣшаютъ ученый вопросъ: гдѣ Христось рождается? замѣчаетъ святитель Филареть, и такъ довольны своимъ рѣшеніемъ, что не находятъ нужнымъ далѣе узнать: не рождается ли Онъ дѣйствительно?» Впрочемъ, и нельзя было не сказать истины: она была извѣстна каждому Іудею (Іоан. 7, 42), потому что весьма ясно изображена въ св. Писаніи: ИБО ТАКЪ НАПИСАНО ЧЕРЕЗЪ ПРОРОКА Михея, за 700 лѣтъ до времени Ирода: И ТЫ, ВИФЛЕЕМЪ, ЗЕМЛЯ ІУДИНА, хотя ты и малъ, и малолуоденъ среди другихъ породовъ, однакоже ты имѣешь великое преимущество, по коему НИ ЧѢМЪ НЕ МЕНЬШЕ ВОЕВОДСТВЪ — среди воеводствъ и городовъ — ІУДИНЫХЪ: ИБО ИЗЪ ТЕБЯ ПРОИЗОЙДЕТЪ ВОЖДЬ — всемогущій Владыка вселенной, КОТОРЫЙ УПАСЕТЪ, какъ пастырь добрый, НАРОДЪ МОЙ ИЗРАИЛЯ (Мих. 5, 2; Іоан. 10, 11; Апок. 2, 27; Іез. 34, 23), всѣхъ вѣрующихъ въ Бога, ибо «не всѣ тѣ Израильтяне, которые ютъ Израиля» (Рим. 9, 6). — «Смотри, говоритъ св. Златоустъ: какія чудныя и необычныя совершаются дѣла! Язычники и Іудеи научаютъ другъ друга чему-то великому. Іудеи слышатъ ютъ волхвовъ, что и въ Персидской странѣ звѣзда пророчѣдуетъ Христа, а волхвы узнаютъ отъ Іудеевъ, что Тотъ, Кого имъ возвѣстила звѣзда, задолго предвозвѣщенъ пророками». — Итакъ, Іудейскій синедріонъ торжественно засвидѣтельствовалъ, что Христось рождается въ Вифлеемѣ Іудейскомъ; весь Іерусалимъ узналъ о его рожденіи и взволновался; вифлеемскіе пастыри рассказываютъ о дивномъ явленіи имъ ангеловъ небесныхъ и о поклоненіи ихъ Христу; волхвы издалека пришли руководимые звѣздою: теперь Іудеи не могутъ сказать: не знаемъ, когда и гдѣ родился Христось... Всѣ первосвященники и книжники, по прилежномъ сличеніи пророчествъ, громко и твердо сказали то самое, что теперъ сбылось на дѣлѣ: Христось дѣйствительно родился въ Вифлеемѣ Іудейскомъ. И это свидѣтельство мы имѣемъ потому, что оно потребовалось для коварнаго Ирода: такъ промысль Божій самое коварство злыхъ обра-

щаетъ къ славѣ имени Божія (I Кор. 3, 19). Лучшаго и полнѣйшаго засвидѣтельствованія истины въ этомъ случаѣ нельзя и представить.

Замѣтъ точность пророчества, говорить св. Златоустъ: не сказалъ Михей: будетъ жить въ Вифлеемѣ, но — только «произойдетъ» изъ Вифлеема, значитъ: только родится въ Вифлеемѣ. Напрасно Иудеи говорятъ теперь, будто это пророчество ютносится къ Зоровавелю. Зоровавель родился не въ Вифлеемѣ, а въ Вавилонѣ. Да и можно ли отнести къ нему дальнѣйшія слова пророка, которыя, изъ лести Ироду, книжники умолчали: «и Котораго происхожденіе изъ начала, отъ дней вѣчныхъ» — Его происхожденіе изначала, отъ вѣчности?.. Впрочемъ, Иудеи стали ютносить это пророчество къ Зоровавелю уже послѣ Рождества Христова; а тогда, какъ это видно изъ отвѣта синедріона Ироду, всѣ согласно относили ко Христу. Достойно еще примѣчанія, что самое имя Вифлеемъ съ еврейскаго значитъ: д о м ъ х л ѣ б а , а Христось Спаситель Самъ говоритъ ю Себѣ: «Я есмь хлѣбъ жизни» (Юан. 6, 35).

Что же дѣлаеть Иродъ? ТОГДА ИРОДЪ, ТАЙНО ПРИЗВАВЪ ВОЛХВОВЪ, сказалъ имъ, гдѣ надобно искать Христа и ВЫВѢДАЛЪ ОТЪ НИХЪ ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНІЯ ЗВѢЗДЫ. Онъ думаль, что Иудеи скроютъ отъ него Младенца, постараются спасти Его, какъ будущаго своего Царя-Избавителя, и потому призываль волхвовъ т а й н о ; онъ не хотѣль прямо спрашивать ихъ о времени рожденія Младенца, опасаясь, что волхвы поймутъ его тайныя намѣренія, и хитро вывѣдываль отъ нихъ время появленія звѣзды, полагая, что Христось родился тогда, когда появилась звѣзда. Сколько во всемъ этомъ хитрости и лукавства! Но сколько и безумія! На его глазахъ совершаются чудеса: звѣзда небесная проповѣдуетъ Христа, пророчества указываютъ мѣсто Его рожденія, — ему ли, Ироду, итти противъ Бога?.. Если онъ вѣрилъ пророчествамъ, то задумываль невозможное; если не вѣрилъ, то чего же онъ боялся? Ради чего столько лукавиль?... Вотъ до чего можетъ дойти челоувѣкъ, ослѣпленный гордостію и упорствомъ во злѣ! Между тѣмъ все это могло казаться добрымъ, прямодушнымъ волхвамъ дѣломъ благоразумія, тѣмъ болѣе, что Иродъ не только не отговариваль ихъ отъ путешествія, но и юбласкаль по царски, И ПОСЛАВЪ ИХЪ ВЪ ВИФЛЕЕМЪ, СКАЗАЛЪ: ПОЙДИТЕ, ТЩАТЕЛЬНО РАЗВѢДАЙТЕ, — развѣдайте какъ можно

тщательнѣе О МЛАДЕНЦѢ — тутъ только не могъ онъ скрыть своей злобы, не могъ принудить себя сказать: о Ц а р ѣ : такъ ненавистно было ему самое имя Царя-Младенца, — развѣдайте, говоритъ, о Младенцѣ; сами видите: въ этомъ дѣлѣ есть какая-то тайна; вамъ на Востокѣ о Немъ сказано, а мы здѣсь ничего не знали; необходимо соблюдать осторожность. Васъ само Небо звѣздою зоветъ къ Новорожденному, поэтому идите пока одни, дабы не произвести безвременно шума и толковъ въ народѣ, — узнайте все точнѣе, И КОГДА НАЙДЕТЕ, ИЗВѢСТИТЕ МЕНЯ, ЧТОБЫ И МНѢ — и я тогда первый поспѣшу явиться для воздаянiя чести, Ему принадлежащей — ПОЙТИ — пойду пѣшій, безъ всякой пышности царской, безъ колесницъ и тѣлохранителей, безъ всякой свиты, въ видѣ простаго странника и богомольца ПОКЛОНИТЬСЯ ЕМУ. Иродъ зналъ уже теперь, г д ѣ родился Христосъ; догадывался, судя по явленiю звѣзды, к о г д а родился; но чтобы не ошибиться въ своихъ расчетахъ, онъ хотѣлъ увѣриться во всемъ этомъ при помощи самихъ же волхвовъ. А волхвы, въ простотѣ добраго сердца, ничего этого и не подозрѣвали и повѣрили Ироду. ОНИ, ВЫСЛУШАВШИ ЦАРЯ, и нимало не подозрѣвая его кроваваго намѣренiя, обѣщали исполнить его желанiе и — ПОШЛИ — въ Вифлеемъ. Но Промыслъ Божiй все предвидѣлъ. Могло случиться, что подозрительный тиранъ вдругъ передумаетъ: не будетъ долго ждать, пока вернутся къ нему волхвы, и его жестокость обрушится надъ Вифлеемомъ, когда въ этомъ благословенномъ градѣ еще находился Младенецъ — Спаситель мiра... Нельзя было терять времени; да пора было уже наградить и терпѣнiе волхвовъ путешествующихъ, и вотъ передъ ними опять небесный вождь: И — СЕ, ЗВѢЗДА, КОТОРУЮ ВИДѢЛИ ОНИ НА ВОСТОКѢ, ШЛА ПЕРЕДЪ НИМИ... Можно представить себѣ радость святыхъ путешественниковъ, когда они опять увидѣли свою знакомую путеводительницу небесную, которая теперь уже прямо и непосредственно вела ихъ какъ бы за руку среди дня!..

Вифлеемъ расположенъ въ двухъ часахъ пути на югъ отъ Иерусалима, на горѣ, покрытой роскошными садами. Не долго имъ пришлось искать новорожденнаго Царя. Не нужно было спрашивать о Немъ: звѣзда путеводительница теперь шла передъ ними, ПОКА НАКОНЕЦЪ ПРИШЛА И ОСТАНОВИЛАСЬ НАДЪ МѢСТОМЪ — и какъ бы перстомъ указала мѣсто, ГДѢ БЫЛЪ Божественный МЛАДЕ-

НЕЦЪ. Вѣроятно она такъ опустилась съ высоты, что можно было по падающимъ внизъ лучамъ ея безъ труда узнать мѣсто, гдѣ обрѣтается Младенецъ. УВИДѢВШИ ЗВѢЗДУ, какъ и гдѣ она опустилась, ОНИ ВОЗРАДОВАЛИСЬ РАДОСТЬЮ ВЕСЬМА ВЕЛИКОЮ. И какъ было не радоваться, когда еще нѣсколько минутъ — и они будутъ у цѣли своего долгаго и труднаго путешествія! И ВОШЕДШИ ВЪ ДОМЪ — вѣроятно, въ домъ, гдѣ св. старецъ Іосифъ нашель наконецъ убѣжище, вмѣсто вертепа, для юной Матери съ новорожденнымъ Младенцемъ (Лук. 2, 16) — УВИДѢЛИ МЛАДЕНЦА, увидѣли столь желаннаго, столь усердно искомаго Младенца-Царя въ бѣдной хижинѣ, быть можетъ — въ ясляхъ, въ простотѣ и уединеніи (Пс. 83, 4), только СЪ МАРІЕЮ, Пречистою МАТЕРЬЮ ЕГО, даже объ Іосифѣ Евангелистѣ не упоминаетъ: вѣроятно онъ въ это время отлучился по домашней надобности, за пропитаніемъ для св. семейства. И, несмотря на эту бѣдность, окружавшую Отроча и Мать, св. волхвы, какъ только увидѣли Его, тотчасъ же ПАДШИ — въ трепетномъ благоговѣніи пали передъ Нимъ на землю и ПОКЛОНИЛИСЬ ЕМУ, — поклонились какъ Лицу Божественному. Ихъ чистое сердце однимъ чувствомъ постигло тайну, для ихъ ума еще непостижимую — тайну Божества Христова, — постигло подобно тому, какъ Предтеча Іоаннъ (Лк. 1, 41), еще во чревѣ матери своей, радостнымъ възгнаніемъ привѣтствовалъ приближеніе къ нему Сего же Богомладенца, находившагося тоже во чревѣ Своей Матери (Пс. 71, 10. 15). И ОТКРЫВЪ СОКРОВИЩА СВОИ, ПРИНЕСЛИ ЕМУ ДАРЫ: ЗОЛОТО, ЛАДАНЪ И СМИРНУ, — оказали Ему въ Его убогой колыбели такія почести, какихъ не оказали и самому Ироду въ его роскошныхъ палатахъ. Три дара принесли Единому отъ Троицы какъ бы въ честь Святыя Троицы (Исх. 30, 8, Лев. 16, 12): золото, — какъ дань Царю царей; ливанъ или ладанъ — какъ чистую, благоухающую, безкровную жертву Богу и въ то же время — вѣчному Архіерею небесному, а смирну — какъ будущему Мертвецу (Іоан. 19, 39), Который Своею смертію разрушитъ царство смерти; извѣстно, что смирною, т. е. благовоннымъ составомъ, который добывался изъ дерева, Іудеи намащали тѣла умершихъ. Золото, ливанъ и смирна — лучшее изъ всего, чѣмъ славилась родина волхвовъ — отдаленный Востокъ. И какъ эти дары не похожи на кровавыя жертвы іудейскія изъ

тельцовъ и овновъ, — какъ они напоминаютъ дары христіанскіе! Не напрасно св. Златоустъ называетъ волхвовъ первенцами Церкви Христовой, начаткомъ вѣрующихъ изъ язычниковъ: въ лицѣ ихъ «языческая неплодѣющая Церковь» узнала Надежду народовъ — Христа, и преклонилась предъ дивнымъ Младенцемъ, Который вскорѣ «соберетъ во едино разсѣянныхъ дѣтей Божіихъ». — Явиться къ новому царю съ дарами требовало и усердіе и обычаи восточныхъ странъ (Быт. 32, 14; 43, 11; I Цар. 10, 27); а между тѣмъ никогда святому Семейству не были дары такъ благопотребны, какъ теперь. Если что и было у нихъ въ Назаретѣ, то они не могли взять многого, надѣясь скоро возвратиться, а теперь предстояло трудное и поспѣшное путешествіе — бѣгство въ Египетъ. Съ чѣмъ бы отправились они въ чужую страну безъ помощи, полученной отъ волхвовъ? Ихъ дары были даромъ свыше — на дальній путь. Кому же даръ?! Тому, Кто пришелъ обогатить насъ всѣхъ Своею нищетою, Кто всѣмъ даетъ дыханіе и жизнь и все!.. Какъ велико Его Божественное къ намъ снисхожденіе!.. Впрочемъ, св. Димитрій Ростовскій замѣчаетъ, что Матерь Божія и изъ того золота, которое принесли волхвы, почти все раздала такимъ же бѣднымъ какъ Сама, «мало нѣчто на путь въ Египетъ удержавши...»

Но обратимся къ повѣствованію о волхвахъ. Исполнивъ свое завѣтное желаніе и поклонившись Господу, они хотѣли уже возвратиться въ Иерусалимъ, чтобы сдержать слово, данное Ироду, чтобы подѣлиться съ нимъ и со всѣми Иерусалимлянами тою святою радостью, которою полна была душа ихъ. Но въ томъ-то и была великая опасность... И вотъ Господь снова вразумляетъ ихъ, и притомъ уже не чрезъ звѣзду, а въ юснѣ, подобно тому, какъ вразумлялъ Онъ не разъ и св. Іосифа: И ПОЛУЧИВШИ ВО СНѢ ОТКРОВЕНІЕ НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ КЪ ИРОДУ, они не стали изыскивать причины: почему не велѣно возвращаться къ Ироду, а въ простотѣ вѣрующей души покорились велѣнію Божію, и ИНЫМЪ ПУТЕМЪ — другою дорогою, вѣроятно на Хевронъ, кругомъ Мертваго моря, ОТОШЛИ ВЪ СТРАНУ СВОЮ... Церковное преданіе говоритъ, что св. волхвы и въ своей странѣ возвѣщали всѣмъ, что видѣли и слышали о Христѣ Спасителѣ и были первыми проповѣдниками Христа среди языческаго міра.

Дивны пути Промысла Божія! Кто бы могъ подумать,

что гдѣ-нибудь въ Персіи или Аравіи ожидали такъ прилежно пришествія Того, о рожденіи Коего не знали въ самомъ Іерусалимѣ! Между тѣмъ вотъ — язычники волхвы не только узнали объ этомъ, но и пришли издалека на поклоненіе новорожденному Спасителю міра. Видно эти язычники были достойны такой милости Божіей. Они не читали пророчествъ, только по преданіямъ отъ предковъ своихъ знали, что въ Іудеѣ долженъ родиться славный Царь, и однакоже, лишь только увидѣли Его звѣзду, какъ идутъ въ Іерусалимъ, смѣло ищутъ Его, хотя и слышатъ, что въ Іудейской землѣ есть уже царь, давно царствующій, гордый, жестокій, что спрашивая о другомъ Царѣ, они себя подвергаютъ опасности... Не смущаетъ ихъ видъ бѣдности, убогія пелены, бѣдная Мать... И въ убожествѣ они узнаютъ Спасителя и поклоняются Ему какъ Богу... Сколько трудовъ, лишеній и опасностей и — ради чего? Чтобы только притти, поклониться новорожденному Царю, Который, казалось, еще не могъ и награждать поклоняющихся Ему, и — уйти во свояси... Это ли не вѣра, достойная отца вѣрующихъ — Авраама? За сію то вѣру юни и оказались достойнѣе самихъ Іудеевъ. Первоверховный Апостоль Христовъ не напрасно возвѣстилъ, что «боящійся Бога и дѣлающій правду во всякомъ народѣ приятенъ Богу» (Дѣян. 10, 35): примѣръ волхвовъ показываетъ, что такіе люди дѣйствительно могутъ быть во всякомъ народѣ. А Іудеи почивали на законѣ, знали всѣ пророчества о Христѣ, и волхвамъ же указали, гдѣ Христосъ рождается, и никому изъ нихъ не пришло на мысль, хотя бы изъ простаго любопытства, дойти съ волхвами до Фифлеема и увидѣть Младенца, Котораго тѣ искали... Какое нерадѣніе! Какое духовное ослѣпленіе!.. За то и лишились они великаго счастья, которое досталось на долю язычниковъ-волхвовъ! — «Царица Южная возстанетъ на судъ съ родомъ симъ и осудитъ его, ибо она приходила отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой; и вотъ здѣсь больше Соломона» (Мф. 12, 42) — возстанутъ на судъ и эти мудрецы-язычники и осудятъ нерадѣніе Іудейское! — Св. Златоустъ въ исторіи поклоненія волхвовъ видитъ указаніе на будущую исторію Церкви: волхвы ранѣе Іудеевъ поклонились Христу, такъ и язычники ранѣе Іудеевъ войдутъ въ Церковь Христову.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ОТЕЧНИКА.

Нѣкоторый старецъ часто подвергался болѣзни. Случилось ему втеченіи одного года не болѣть; старецъ очень скорбѣлъ объ этомъ и плакалъ, говоря: оставилъ меня Господь мой и не посѣтилъ меня.

Нѣкоторый братъ, живя въ общежительномъ монастырѣ и часто побѣждаясь гнѣвомъ, сказалъ самъ себѣ: пойду въ пустыню, можетъ быть тамъ, не имѣя съ кѣмъ ссориться, успокоюсь отъ страсти. Онъ вышелъ изъ монастыря, и сталъ жить одинъ въ пустынѣ. Однажды онъ наполнилъ водою сосудъ свой и поставилъ его на землю. Сосудъ внезапно опрокинулся. Во второй разъ случилось то-же. Въ третій разъ кувшинъ также опрокинулся: монахъ разсердясь, схватилъ кувшинъ, ударилъ о землю. Кувшинъ разбился. Возвратясь къ себѣ, братъ началъ размышлять о случившемся, и понялъ, что врагъ поругался надъ нимъ. Тогда онъ сказалъ: вотъ! я — одинъ; однако, побѣжденъ страстію гнѣва. Возвращусь въ монастырь: видно — вездѣ нужны борьбы съ самимъ собою и терпѣніе, въ особенности же помощь Божія. И вставъ, возвратился монахъ въ обитель свою.

*
**

Въ высшей степени гнѣвъ есть кратковременное бѣшенство.

Василій Великій.

Діаволь прежде грѣха представляетъ Бога милостивымъ, но послѣ грѣха праведнымъ. Это есть хитрость. А ты напротивъ дѣлай: прежде грѣха представляй себѣ правосудіе Божіе, чтобы не согрѣшить; когда же согрѣшишь, помышляй ю великости милосердія Божія, чтобы не впасть въ отчаяніе Іудино.

Св. Тихонъ Задонскій.

Научись вспоминать и произносить имя Бога всегда съ великой вѣрою, благоговѣніемъ, любовію и благодарнымъ сердцемъ. Никогда не произноси его легкомысленно.

Прот. Іоаннъ Кронштадтскій.

Руками работай, а умъ къ Богу возноси.

Еп. Феофанъ Затворникъ.